

ЭДГАР РАЙС БЕРРОУЗ



# ПИРАТЫ ВЕНЕРЫ

В избранных переводах А. Иванова

Шедевры фантастики (Феникс)

Эдгар Райс Берроуз

**Пираты Венеры**

«Феникс»

1934

УДК 821.111(73)-312.9  
ББК 84(7Сое)-31

**Берроуз Э.**

Пираты Венеры / Э. Берроуз — «Феникс», 1934 — (Шедевры фантастики (Феникс))

ISBN 978-5-222-40037-1

Эта книга перенесет читателя в удивительный и опасный мир древней Венеры. Загадочные расы, принцессы, чудовища, дуэли – все прелести жанра «героической фантастики» в наличии. Приключения неунывающего и бесстрашного героя Карсона описаны мэтром приключенческой фантастики Эдгаром Берроузом с присущими ему фантазией и искрометным юмором.

УДК 821.111(73)-312.9  
ББК 84(7Сое)-31

ISBN 978-5-222-40037-1

© Берроуз Э., 1934  
© Феникс, 1934

# Содержание

Пираты Венеры	6
Вступление	7
I. Карсон Нейпир	10
II. На Марс	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23



## **Эдгар Райс Берроуз Пираты Венеры**

© ООО «Феникс», 2022

© Перевод: А. Иванов

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

## Пираты Венеры



## Вступление

Карсон Нейпир его звали. Человека этого. Типа или джентльмена – в ту минуту я еще для себя не решил. Сказать, что, покинув мой кабинет в «Тарзане», «этот тип» отправился на Гваделупу, чтобы в большущей ракете прямо оттуда пилить на Марс, я не мог – уходил он как джентльмен. Даже возле дверей замедлил шаг и оглянулся с коротким, неспешным кивком, означавшим слишком много – и прощание, и знак симпатии, и жест, хорошо понимаемый двумя уже связанными на долгие отношения людьми как что-то вроде выражения благодарности. Но и заявлять: я, мол, теперь совершенно уверен, что с «этим джентльменом» нам уже не доведется столкнуться ни при каких обстоятельствах, – я не мог тоже. Это было просто безумием. Он буквально проник в меня, этот Карсон Нейпир. Вторгся в сознание, расставил там вешки, насыпал пунктиров, мог сковать меня и расковать, перетек. И потом, тогда я еще не знал, что его называли Карсоном Телепатом.

Вот во что я вляпался. И дело тут было даже не в том, сомневался ли я в его телепатических способностях, с помощью которых мы должны были впредь поддерживать контакт (а был он, по мнению Нейпира, – контакт наш – вольфрамов: не жегся, не плавился и не брался ничем). Дело в другом: человек я реальный. Понимал, что с того мига, как ракета его оторвется от грешной земли, всякая связь прекратится вообще. Говоря откровенно, я вообще не надеялся увидеть его в живых. По моему мнению, он был должен погибнуть в первые же секунды после начала осуществления своей безрассудной затеи.

Теперь приходится признать, что опасения не оправдались.

Я, человек, которого он выбрал для своего умопомрачительного эксперимента как медиума, как простой передатчик для информации, впечатлений и чувств, просто пропал в нем, в этом типе с манерами джентльмена, пропал с концами. Нет, не затерялся, всегда отдавал себе отчет, что могу выйти из этого состояния в любую минуту, волк не грыз меня изнутри. Но я перестал этого хотеть, вот какая штука. Я прекратил желать расставания, пусть даже и мысленного. Не мог уже доброю волей откреститься от этого джентльмена, умевшего говорить и конкретно, и витиевато, и грубо – по-разному, в зависимости от того, с кем говорил. Нет, ну скажите на милость, какой джентльмен в наше время на собственные деньги и в собственном транспорте соберется на Марс?

Этот.

Карсон Нейпир – типчик тот еще, пять минут ему понадобилось, чтобы взять меня в оборот. С той поры эта жуткая таинственная связь не прекращалась. И иногда мне начинает казаться, что она уже не прекратится, даже умри мы. И умерев, понимаете, так же, как и нынче, скрестимся своими душами и начнем разговор.

Поначалу я просто с опаской следил за его безумной прогулкой по космосу, которая затянулась надолго. Но когда мне сообщили, что Телепат влип – кто-то не там поставил запятую в расчетах, – я испытал космический ужас! Понятия «запятая» и «изменение траектории в связи с притяжением Луны» у нормального человека никак не стыкуются, но для разбирающегося это предвестие шока, из которого можно не выйти вообще. Одна запятая в каком-то двухмиллионном столбике тысячной серии – и ты уже сломан. А это, простите за грубость сравнения, как в день собственной свадьбы трупы собирать на тележки и без остановки таскаться к костру. Говоря просто, тогда ракета Нейпира отклонилась от курса и отправилась прямо к Солнцу. А когда он попал в зону воздействия гравитационного поля Венеры, я вообще спать перестал.

И потом все, что случилось на этой планете, которую ее жители называют Амтор, а Телепат – «полосатым яблочком», было вроде лобового удара на скорости о волнорез, и так не один раз, а много...

Амтор. Я всматривался в телескоп; на ней, на Венере, и вправду виднелись с Земли полосы кислот и газовых туманов. Ну, осеннее яблоко. Очень образно. Только как он, Карсон Нейпир, это заметил? Телепат.

Нейпир жил там, а я здесь, но мы переживали одно и то же, все ходы-переходы. Начиная с охватившей его любовной горячки по отношению к дочери одного из венерианских царей – до захвата принцессы Дуаре тористами. Я видел все, можете верить, а можете – нет. Видел своими глазами, как птицечеловек в опахале какого-то бронзового сияния нес Дуаре с берегов Нубола, а она, сама того не понимая, так мешала ему, вздымая тонкую руку, кричала какие-то невообразимые вещи и плакала... Нет, это надобно по порядку. Поэтому я, запасясь носовыми платками, ограничусь скромной ролью безымянного медиума.

*Дорогой сэръ! Если в полночь тринадцатого числа этого месяца в вашей спальне появится фигура женщины в белой одежде, ответьте, пожалуйста, на мое письмо. В противном случае можете не отвечать.*

Я дошел до этого места и собрался уж было отправить по лучшему адресу для бредовой корреспонденции – в мусорный ящик, но вдруг – почему неизвестно – прочел дальше:

*Когда она обратится к Вам, запомните ее слова буквально и повторите их в ответном письме.*

Я даже, пожалуй, дочитал бы этот бред до конца – что-то ёкнуло, – но меня отвлекли. Вышло так, что письмо залетело по другому адресу – в папку для исходящих документов, которые отправляются в архив. Так или иначе, но я не прочитал бы письмо целиком, если бы все развивалось как обычно. И если бы этот тип... этот джентльмен... если б его не написал Карсон Нейпир, вот что главное, я бы не вспомнил о нем до скончания века.

А отвлек меня Джейсон Гридли. Потребовал, чтобы я тотчас же приехал к нему в лабораторию. Он казался очень взволнованным. Я ума не мог приложить, что бы могло так взволновать Джейсона, ледышку из ледышек с таким холодным по отношению к жизни носом, что ему завидовал даже его собственный терьер Куинсли. Только поэтому я бросился на его призыв. В две минуты запрыгнул в свой автомобиль и пролетел три квартала, которые разделяли наши дома.

У Джейсона действительно были все основания для беспокойства. Только все это к нашему делу с Нейпиром не относилось. Накануне он получил радиограмму из подземного мира – из Пэлльюсидара. Перед самой отправкой гигантского дирижабля «0-220» из центра Земли Джейсон решил, что по окончании похода он отправится на поиски фон Хорста – единственного члена экспедиционной команды, пропавшего без вести. Тарзан, Давид Айннес и капитан Заппнер отговорили его от этой затеи. Давид собирал на поиски свой отряд местных пэлльюсидарских бойцов, как только появятся хоть какие-нибудь сведения о том, где фон Хорст может находиться – если допустить, что пропавший вообще еще жив...

После того как Джейсон возвратился на поверхность, его все время терзало чувство ответственности за судьбу фон Хорста, молодого немецкого лейтенанта, любимца всех участников экспедиции. Только и это к нашему делу отношения не имело. Его, представьте, замучили угрызения совести. Он, получалось, покинул Пэлльюсидар, не сделав всего возможного для обнаружения фон Хорста. Его самого или его тела.

Джейсон предложил мне сесть и протянул сигарету.

– Впервые за несколько месяцев пришло сообщение от Эбнера Пэрри, – сказал он. – Только что...

– Не представляю содержания, которое так смогло тебя взволновать.

– Сейчас объясню, – произнес он. – Сари сообщает, что сегодня, десятого, фон Хорст найден.

Все эти события, повторяю, к нашей истории не имеют никакого отношения. Уж к Карсону Нейпиру наверняка. Упоминаю я о них только потому, что они связаны с двумя немаловажными фактами, которые сыграют определенную роль в дальнейшем повествовании. Во-первых, у меня напрочь вылетело из головы сообщение, присланное в том загадочном письме, а во-вторых, я четко запомнил дату – десятое число.

Таким образом, послание было забыто мною надежно и крепко и никак не могло повлиять на дальнейшие события. Оно оказалось вычеркнутым из памяти так, будто его никогда и не существовало.

Потом на меня навалилась куча забот, и, прежде, чем заснуть в ночь на четырнадцатое число, я был способен думать только о запутанных подробностях одной сделки с недвижимостью. Перед сном моя голова была забита всевозможными доверенностями, а также наследниками собственности, которая осталась после удовлетворения притязаний кредиторов, и отложенными судебными решениями.

## I. Карсон Нейпир

Что меня разбудило? Не знаю точно, как это назвать. Не поверите, если скажу. Я присел на кровати, точно меня аккуратненько подняли за плечо. И как раз в этот момент сквозь мою дверь – не в дверь спальни, а именно сквозь эту затворенную дверь – просочилось молочное облако, в то же мгновение ставшее дамой, одетой во все белое. Что уж там именно являлось белым, точно сказать не возьмусь, это явление я воспринял как цельный абстрактный образ, без вуалек и рюшей. Брюки? Юбка? Убейте, не знаю. Женщина, с ног до головы одетая в белое... Вокруг ночь – светлая, лунная. Хорошенький сон. Я видел так ясно. Мог спокойно разглядеть каждую вещь в комнате, но лучше всего была видна возникшая возле кровати призрачная фигура.

Я как-то до сих пор никогда еще не встречался с привидениями, жил, мягко скажем, в рационалистах и не стремился к контактам подобного рода. Говорю это для того, чтобы стало понятно: я совершенно не понимал, как себя нужно вести. Даже если бы эта женщина не являлась фантомом, я все равно не был готов принимать ее в спальне в такое время. Ну, я порядочный человек, понимаете ли. В силу моего пуританского воспитания не имелось во мне привычки по ночам загружаться приемами незнакомых дам.

– Сегодня тринадцатое число, полночь, – сообщила она глубоким чарующим голосом.

– Да, знаю, мэм, – ответил я. И вот тут в памяти тренькнул коротенький зуммер. Я вспомнил о письме, полученном три дня назад.

– Он уже вылетел с Гваделупы и теперь будет ждать в Гуаймасе ответа на свое письмо, – продолжала она. – Это пра-правильно.

– Пра... Правильно? Правда? – переспросил я и понял, что теряю сознание...

И все.

Она пересекла комнату и вышла. Нет, даже не через окно, что было бы еще более-менее допустимо, а прямо сквозь стену прошла. Утекла. Просочилась. Не знаю, сколько времени я просидел, уставившись на то место. «Пра... Правильно». Это было из Кэрролла. Из «Алисы». Полубред какой-то. Повторяю, я человек реальный. Попытки убедить себя в том, будто мне это приснилось, не увенчались успехом. Я уколел палец скрепкой. Выглянул в окно. Так надавил на височную кость, что наутро там мог появиться синяк. Было совершенно очевидно: я бодрствовал. Сна не было и в помине, и прошел еще целый час, прежде чем я завалился в объятия Морфея досыпать как-нибудь.

Следующим утром я уже спозаранок был в своем офисе в «Тарзане» и шарил по отделениям стола в поисках окаянного письма, заставившего меня сомневаться в том, что я – человек реальный. Письма, полученного мною десятого числа. Никак не удавалось вспомнить фамилию и адрес отправителя, но мой секретарь Ральф Ротмунд – человек несомненных достоинств, который не только знает в лицо все мои верные прибыли, неверные крахи как результат неудачных вложений и прочие нейтральные для самочувствия отчисления, но и умеет все это использовать во благо предприятия, как оказалось, – в силу неординарного содержания послания хорошо его запомнил.

– Оно пришло откуда-то из Мексики, – заявил он. Сортировалась корреспонденция по странам и регионам, поэтому теперь ему не составило большого труда найти письмо.

В этот раз я перечитал его с огромным вниманием. Было отправлено третьего числа из морского порта на побережье Калифорнийского залива под названием Гуаймас, штат Сонора. Привожу это послание целиком.

*Сэр!*

*В силу того, что я занимаюсь разработкой одного необычайно важного научного проекта, мне необходима поддержка (о финансах речь*

*не идет, помилуй божже). Я наслышан о вас как о человеке рационального склада, интеллектуале, гармонично развитом в психологическом плане. Для воплощения своего замысла я выбрал вас, поэтому именно к вам и обращаюсь. Надеюсь, вам удастся по достоинству оценить грандиозные возможности моего прожекта.*

*С радостью сообщу вам подробности этого мероприятия при личной встрече, которая состоится в случае успешного проведения маленького эксперимента. Дорогой сэръ! Если в полночь тринадцатого числа этого месяца в вашей спальне появится фигура женщины в белой одежде, ответьте, пожалуйста, на мое письмо. В противном случае можете не отвечать.*

*Когда она обратится к вам, запомните ее слова буквально и повторите их в ответном письме. Надеюсь, что вы серьезно отнесетесь к моей просьбе, даже если она показалась вам несколько странной. И еще мне хотелось бы, чтобы вы сохранили содержание этого послания в тайне до тех пор, пока дальнейшие события не сделают его публикацию возможной.*

*Заранее благодарен, Карсон Нейпир.*

– Опять какой-нибудь псих, – усмехнулся Ротмунд.

– Десятого числа, когда я получил письмо, мне тоже так показалось, – согласился я. – Но сегодня уже четырнадцатое, и сейчас все представляется совершенно иначе.

– При чем тут четырнадцатое число? – спросил он.

– При том, дорогой мой, что вчера было тринадцатое, – ответил я. – И ночью меня посетила женщина в белой одежде...

– Долго гуляли у кладбища? – поинтересовался он иронично.

– Ну, если назвать кладбищем мою холодную постель, то недолго. В полночь проснулся. Она меня разбудила.

Ральф озабоченно взглянул на меня.

– Доктор Вэнд принимает по пятницам, – произнес он. – А до пятницы постарайтесь вспомнить, о чем вас предупреждала медсестра после операции.

– Я слышал девять различных предупреждений, по одному от каждой. Восемь раз мне обещали наладить быт и упорядочить поступление в мою собственность моих же собственных хаотично прибываемых гонораров. Восемь раз меня принимали за идиота, пожалуй. И вот, кажется, только однажды кто-то единственный на минуточку допустил факт присутствия мозгов у меня в голове и сказал нечто толковое, только что – не помню.

– Сестра Джерри. Она говорила, что воздействие наркоза на мозг может сказаться даже несколько месяцев спустя, – заявил он участливым тоном.

– Ах, сестра Джерри, какая прелесть! Нет, почему-то именно ее не помню. Но как бы то ни было, наркоз не мог повлиять на мои глаза. Я видел то, что видел.

– Случаются и поломки. Даже в точной оптике...

– Я учту это, когда буду подписывать листок с твоим ближайшим жалованьем.

– Замечание снимается, – с улыбкой парировал Ральф. – Я отправлю ваше ответное письмо мистеру Нейпиру. Только не говорите мне, что вы его еще не написали.

Несколько дней спустя на мое имя пришла телеграмма от Нейпира, отправленная из Гуаймаса.

«Ответ получил тчк спасибо тчк ждите завтра тчк», – гласила она.

– Наверное, прилетит самолетом, – решил я.

– Да уж, вряд ли придет пешком. А если сам возникнет как призрак, весь в белом? – предположил Ральф. – Может быть, стоит позвонить капитану Ходсону, чтобы он прислал сюда полицейский патруль? Эти психи могут быть очень опасными.

Он до сих пор еще был настроен скептически.

Надо сказать, что мы ждали прихода Карсона Нейпира с одинаковым нетерпением. Ральф дожидался кровавого маньяка с вытаращенными глазами, а я вообще никак не мог себе его представить! На следующее утро около одиннадцати часов в мой кабинет вошел Ральф и сообщил:

– К вам мистер Нейпир.

– Это такой, с всклокоченными волосами и диким взглядом? – спросил я, усмехаясь.

– Отнюдь нет, – ответил Ральф тоже с многообещающей улыбкой. – Очень корректного вида. Красавец. Из того сорта мужчин, которых солидные дамы никогда не желают своим дочерям, слишком глаз горит, – потом он прибавил тихонько: – Но все-таки я полагаю, что он псих.

– Пропусти его, – сказал я, и Ральф провел в кабинет видного мужчину лет тридцати или даже моложе.

Буйная грива волос цвета золотой пшеницы, светлые вдумчивые глаза и обалденный загар на худощавом лице сбивали с толку. Как-то не вязались с образом безумца. Ни тихого, ни позвончее. Впрочем, выражение этого лица – та независимость, которую в одинаковой степени порождают избыток средств, феноменальный талант или просто дурной характер, – несколько настороживало.

Пожав его руку, я сморщился – гость опережал и в реакциях: я еле руку отдернул, мог кости сломать. Он премило улыбнулся, демонстрируя ямочку на выступающем подбородке. Прежде чем сесть, подтянул светлые, тонкой альпаки брюки на три надколенных дюйма, уселся – и засверкал отличными зубами. Он делал все, что и положено делать мужчине того самого сорта, который Ральф определил как нежелательный для дочек приличных матрон, – делал по причине природного буйства нрава, беспорядочности, острой неприязни к властям и, возможно, из-за сомнительных принципов. Передо мной оказался живой собирательный образ всех этих людей, самозабвенно одержимых какою-нибудь крепкой симпатией к какому-либо роду научных занятий, где у них маловато конкурентов, где они – наверху. Делал все, понимаете. Все, что положено делать людям нормальным.

За одним исключением – не моргал.

Не моргал человек почему-то, что зародило у меня туманное подозрение, что меня втягивают во что-то не самое легкообъяснимое.

Двигался он резковато, но был грациозен, как пума. Наверное, хороший спортсмен. Альпинист, серфингист... ну, я не знаю. Голос низкий, с приятной хрипотцой. После короткого обмена любезностями этот Нейпир как-то сразу перешел к цели своего посещения, навалился:

– В вас я читаю туманное подозрение, что вы будете втянуты во что-то не самое легкообъяснимое, – начал он, наслаждаясь выражением ужаса, на мгновение возникшим в моих глазах. А у кого оно б не возникло, заговори незнакомый для вас человек словами, которые он буквально вынул из вашего рта. – Отрешитесь, мой друг. Карсон Нейпир, как прозрачное стеклышко, виден насквозь. Я не скрываю своих интересов. Дело, которое я вам намерен предложить, стоит того, поверьте. Для начала я должен нарисовать вам картину... – он улыбнулся, почти смыкая чернющие щетки ресниц. Но и тогда не моргнул! – Это будет картина маслом. Она позволит вам правильно оценить ситуацию и отказаться от мысли, что перед вами... – он на мгновение задумался, а потом как в воздухе прочитал: – что перед вами маньяк. Такой, знаете, исключительный по сумасбродству тип... с всклокоченными волосами и диким взглядом! Расскажу о себе. Мой отец – англичанин, понятно? Олл райт. Армейский офицер с загруженной психикой любого армейского офицера. Мать – американка, уроженка штата Вирджиния. Я появился на свет в Индии – там служил папа. Долгое время меня воспитывал старый индус, который был очень привязан к нашей семье, а скорее всего – к моей тетушке Софи, но это уже нас с вами не касается. Звали его Чандх Каби. Он являлся практикующим мистиком и передал мне такие знания, которых нет в учебных методиках для преподавателей начальных школ. Это он научил меня телепатии, в которой сам преуспел настолько, что мог легко контактировать с

человеком на любом расстоянии, если тот был с ним психологически совместим. Чандх был способен даже мысленно передавать образы. Человек, принимающий его мысли, мог видеть его глазами, если моему наставнику это было необходимо. Это умение он передал и мне.

– Примерно таким же образом вы и материализовали женщину в моей спальне в полночь тринадцатого? – спросил я.

Он кивнул и с улыбкой поинтересовался:

– Я полагаю, вы к ней не приставали? Это буфетчица из космопорта в Гуаймасае, красавица Лиззи, представьте себе, мексиканка, но начитанная, обожает «Алису в Стране чудес», не думаю, что освоила что-нибудь еще, но девушка добрая. И знаете, всегда одевается очень ярко. Простите, я несдержан на язык, нередко веселюсь там, где этого и не следовало бы делать. Но жизнь была бы так скучна, не присыпай мы ее толикой специй. Женщина в белой одежде – это только образ чистоты моих помыслов. Я не знал, кого к вам посылать, Либби, Лиз или другую, у меня много знакомых красавиц. Но я хотел вас поразить. Предложил своего рода тест, который должен был показать, пойдем ли мы друг друга потом, когда... – он прикусил край губы, задумался. – Мог прислать желтую антилопу или налогового инспектора. Но подумал, что это будет излишне. Лиззи – прелесть. Я проверял ваши возможности. Нахожу их исключительными. Мы совершенно разные люди, но психологически совместимы. Вы – рациональны. Я – в облаках. В своем письме вы достоверно пересказали свой разговор с существом, вызванным моей фантазией. Это подтвердило мою догадку, что я наконец-то смог найти человека, который мне нужен. Я, знаете, нашел вас по медицинским показаниям. А еще прежде – по телефонному справочнику. Загадка в вашем египетском имени. Оно будет моим, сэр, прочти его наоборот, – он его загадочно проскользил по моему лицу, на котором, несомненно, проплывали обрывки теней, я мучительно складывал буквы в обратном порядке и к большому удивлению обнаружил, что наши имена действительно являются зеркальным отражением друг друга. – Когда вы больше узнаете о моем происхождении и прежней жизни, вы найдете еще более фантастичные совпадения. Подозреваю, что вы – это я, но в другой жизненной версии и при других обстоятельствах. Я хочу, чтобы вы сами решили, заслуживаю ли я вашего доверия и содействия. Факты моей биографии таковы – а вы их можете проверить, – что они вам будут знакомы с самого вашего детства. С вами происходило все то же самое, что и со мной. Только с дистанцией в двенадцать лет. Мы с вами были крошками не из робких, да? Итак, можете проверить.

– Боже мой, я не понимаю...

– Сейчас поймете. Когда мне было только десять лет, мой отец умер и мама вместе со мной переехала в Америку, – сказал он и поглядел на меня.

– Мне было двадцать два, – пораженно подтвердил я. Немножко боясь, что Нейпир назовет и номер захоронения моего отца на кладбище близ Хелуанского металлургического комбината. Или номер наших с мамой посадочных талонов на рейс самолета до...

– Первые три года мы тоже, как и вы, прожили в Вирджинии, сэр.

– Как такое могло случиться? – спросил я, ощутив, что аферой тут не пахнет. История наполнялась каким-то отчетливым смыслом, все становилось на свои места. Если и вправду считалось, что у каждого человека в мире где-нибудь существует двойник, пусть даже ничуть на него и не похожий, своего рода версия, то выходило, что мой родной дед Нодж-носр-Ак, судья в Асуане...

– Не знаю как, – равнодушно заявил Нэйпир. – И честно говоря, такие эмпирические вещи меня занимают мало. Мы жили с дедушкой по материнской линии, судьей Джоном Карсоном, о котором вы должны быть слышаны, и с тетей Софи. Да и кто его не знал? Как, получается, должны звать вашего? – он задумался. – Нодж. А тетушку – Яифос?

– Йеффоуз. Тетя Йеффа... она скончалась еще в Долине, до нашего переезда из Асуана сначала в Вирджинию, потом – в Южную Калифорнию. От летаргического энцефалита.

– Моя тоже, только уже в Бруклине. Позвольте рассказывать дальше. О своей Калифорнии. Туда мы мамой и тетей отправились после кончины нашего деда. Там я ходил в школу, а затем в Клермонте поступил в колледж, который отличался высочайшим уровнем преподавания точных наук, а также тщательным подбором преподавателей и студентов. Тщательным – до того, как они подобрали меня, – улыбнулся Нейпир. – Не могу сказать, чтобы я учился уж очень прилежно, мои интересы оказались разбросанными. Сразу по окончании колледжа в жизни стряслась еще одна беда...

– У меня умерла мать! – горячо воскликнул я. – Ее звали Нэйдж-Иссэд.

– Мою звали Джейн-Джесси. Это событие опустошило меня совершенно. Мне не хотелось больше жить, но и самоубийство противно моей натуре. Тут вся наша общность и завершается. Вернее, прогрессирует в зеркальном смысле. Я остался на земле, пустился во всякие рискованные приключения, набирался опыта. А вы ушли в облака, сами не рисковали, предпочли обо всем этом писать. Понимаете? Полагаю, мы с вами – перевертыши, сэр. Вы описывали все, что делал я, меня, собственно, не зная. А чего я только не делал! Сначала выучился на летчика, потом начал работать каскадером в кино. Средств к существованию хватало. Я получил в наследство от мамы значительное состояние прадеда, Джона Карсона. Оно было настолько велико, что даже самому отчаянному гуляке удалось бы промотать только проценты с капитала. Я говорю вам об этом только потому, что эксперимент, который мне хочется осуществить, потребует больших затрат. Вы должны знать, что мне не составит труда финансировать его самому, без чьей-либо помощи. В конце концов жизнь в Голливуде показалась мне фальшивкой, а Южная Калифорния напоминала лишь о любимом человеке, потерянном мною. Тогда я отправился странствовать. Облетел весь мир. В Германии меня заинтересовали проекты ракет – я даже субсидировал кое-какие эксперименты в этой области. Там-то и возникла у меня эта идея. Ничего сверхъестественного в ней не было, просто я решил довести ее до логического конца. Я задумал отправиться с помощью ракеты на другую планету.

– Отправиться куда? – спросил я, все же надеясь, что ослышался.

– Туда. Хочу в пух и прах разнести теорию невозможности полноценной жизни на Марсе. Разбить представление о нем как об умершем небесном теле, чья история завершена. По моим предположениям, она там только начинается... Полагаете, я тщеславен? Ни черта подобного. Амбициозен? Тоже нет. И деньги меня не трогают, сэр, у меня их слишком много. Некоторые обстоятельства убедили меня в том, что из всех планет только на Марсе могли бы обитать похожие на нас существа. Если мне и удастся добраться до Марса, возможность возвращения обратно почти нулевая. Я профессионал. Немного сумасшедший профессионал, как это называется. В каком-то смысле – придурок. Мне тесно здесь. И недостаточно хорошо. Мне нужно начало истории, а не ее конец. Начало еще можно пустить по верному руслу или там что-то исправить, не знаю... Но здесь, на Земле, все лучшие сказки уже рассказаны и все самые грандиозные подлости совершены. Мир сформирован, то же касается и взаимодействия живых сил. Мне было необходимо отыскать человека, с которым всегда можно поддерживать связь. Почему-то не покидает надежда на то, что кроме меня найдутся другие отважные пареньки, которые захотят повторить мой путь, тоже что-нибудь там поправить. Чтобы, помирая, сказать: я прожил не зря, для людей работал, работал по свободе, по справедливости. В этом случае я мог бы обеспечить их ценной информацией. И как знать, может быть, кто-нибудь из них помог бы мне вернуться на Землю... если я захочу к вам вернуться. Оттуда. Из своей сказки.

– Безумие, Нейпир! На чем... на чем вы собрались лететь?

– Больше года мы строили ракету на острове Гваделупа, неподалеку от западного побережья Южной Калифорнии. Правительство Мексики оказало всестороннюю поддержку. Все готово, мой друг. Вплоть до мелочей. Я готов отправиться хоть сейчас... сейчас... сей...

И на этих-то самых словах он неожиданно пропал!

Вот стул, который он занимал... обратите внимание: не пропал и пропадать не собирался. Просто вдруг оказался пуст.

Никаких шорохов или свидетельств перемещений, никакого внезапного света или чего-нибудь специфического. Ничего! В кабинете кроме меня никого больше не было. Я был ошарашен до такой степени, что меня чуть не хватил удар. Вспомнил о том, что говорил секретарь о влиянии наркоза на мои умственные способности. Они заметно падали. А пушка заряжена! Заряжена пушка, я уже был полон Карсоном Нейпиром по пояс. Я как достоверная личность куда-то девался, сползал куда-то.

«Безумцы, как правило, не отдают себе отчет в том, что они сошли с ума», – подумал я.

Меня пробил холодный пот. Нужен, как правило, свежий здоровый человек без комплексов. Я решил вызвать Ральфа. Он-то уж без сомнения и свеж, и здоров, и, за исключением рабочего цинизма – неотъемлемой части его профессии, – комплексов не имел. Вот если бы он подтвердил, что посетитель был... Действительно был. И не просто оставил свои данные в приемной, а входил в мой кабинет... Вот тогда я мог бы вздохнуть с облегчением!

Но прежде, чем я успел что-либо предпринять, в комнату вошел сам озадаченный Ральф. Его каштановая гривка топорщилась, галстук был смят – видно, кулак на нем хорошо отдохнул. Глаза – со спелый ренклод каждый, не просто физиологически вытарашены. Не просто, а очень. Хочу сказать, так их не тарашат и под зажимами у окулиста, какими мой милый Ральф их ко мне внес на побледневшем лице, когда неживым голосом вымолвил:

– Не волнуйтесь, сэр. У нас все славно. Только опять вернулся мистер Нейпир.

– Ральф, у меня рубашка какого цвета? – вне логики спросил я, преследуя очень конкретную цель – проверку зрения.

– Индиго, сэр, – без запинки ответил Ральф, по моему виду поняв, что именно такой и только такой ответ меня целиком удовлетворял. – А у меня?

– Я бы сказал, это цвет поджаристой вафли.

– Да, ее я и надевал утром, – пошарив у себя на вороте, заявил Ральф. – Тогда я спокоен в смысле своих глаз. А появились сомнения. Дело в том, что я, видимо, зазевался. Даже не заметил, как он вышел.

– Видимо, я зазевался тоже, Ральф.

– Мне казалось, будто его голос только что звучал в кабинете.

– Мне тоже так казалось... – сомнамбулически подтвердил я. И с облегчением вытер со лба пот. Мы не могли вместе с Ральфом одновременно сойти с ума. То есть, разумеется, могли. Теоретически. Но в разное время и где-нибудь в другом месте, не в офисе. Ну и определенно не оба сразу. – Нам остается проверить уши.

– Может, м-ру Нейпиру лучше войти? – поинтересовался он.

– Разумеется, – ответил я. – И ты тоже на этот раз останься.

И вот теперь слушайте внимательно, что случилось.

Карсон Нейпир вошел с улыбкой архангела и посмотрел на нас выжидающе. Потом, выбрав первым меня, протянул мне свою крепкую, загорелую руку. Я, находясь под воздействием его крайне активного обаяния, протянул свою и вновь сморщился – пястные кости снова едва не хрустнули! Но так легко, как полчаса назад, избавиться от этого пожатия не удалось. Он мне не руку жал, а, пожалуй, душу из меня выжимал. И внимательно так изучал мою реакцию, с такой чудной, скажу, улыбкой, за которую парфюмерные фирмы платят очень большие деньги. Потом он приоткрыл рот и еще более низким, чем прежде, голосом отрекомендовался:

– Карсон Нейпир. Я вас таким и представлял! – заявил он мне. Человеку, которого видел совсем недавно... Потом улыбнулся Ральфу, попросил у него чашечку кофе и... не поверите, дважды моргнул. Потом он заморгал, как это делает человек, для которого и моргать, и приходить согласно договоренности на назначенную встречу – обычное дело. Так почему, инте-

ресно, не моргалось ему в первый раз? Потом, явно почувствовав некоторую принудительность в возникшей меж нами паузе, сердечно поинтересовался: – Вы меня узнаете?

– М-р Нейпир, я весьма озадачен. Даже не знаю, что вам сказать.

– Говорите первое, что придет в голову. Что вам не нравится?

– Вы моргаете, а в первый раз не делали этого вообще! – заявил я. И еще раз, с крайним пристрастием, оглядел гостя. Что-то поменялось в нем все же, неуловимо. То ли блеск золотой стал серее, а сами волосы – гуще. То ли зубы не так ярки. То ли светлый костюм из альпаки не так ладно сидел на нем, как раньше... Нет, не понятно. И потом, он же и вправду моргал!

– Запах... – подсказал он, легонько тронув ноздрями воздух. – Вспомните, каким кремом я пользовался...

– Уж не этим, – повел носом я. Терпкий, суховатый, довольно легкий. Нейпир сейчас и впрямь источал терпкий смутный аромат... Стоял, улыбался, загадки пришел загадывать? Ямочка на рельефном подбородке подалась вперед, точно вместо человека спросила: «Ну и?» – Вы не пользовались ни кремом, ни мылом, ни шампунем, ни духами, – ответил я. – И это возмутительно! Еще десять минут назад вы не имели запаха, Нейпир. Объяснитесь! Вы прервали беседу, напугали меня, заставили проверять собственную здравость... что это, разрази вас гром, означает?

– Только одно, сэр. Это был не я, – улыбаясь, ответил Карсон Нейпир, принимая из трясущихся рук Ральфа кофе. – Дело в том, дорогой друг, что меня здесь просто не было. Такая вот у меня оказалась последняя проверка. Если вы утверждаете, будто видели меня и говорили со мной, в то время как я находился в своей машине на автостоянке, значит, я легко смогу поддерживать с вами связь даже с Марса.

Это мыслимо?

– Но вы же были здесь, – вмешался Ральф. – Разве я не вам пожал руку, когда вы вошли?

– Нет, не мне. Вам это просто почудилось, – ответил Нейпир.

– От слова «чудо»? Нам обоим? Ну, что вы на это скажете, Ральф? – спросил я. (Ральф, кстати, и по сей день уверен, что это был какой-то розыгрыш.) – Что ж это было?

– Видение... Чудеса естественной оптики. Мир так странен и так просто устроен, научись только пользоваться этим устройством, – Нейпир шаловливо поиграл пальцами в воздухе. – А вы видели некое тело, посланное моею эмоцией. Сгущение мысли. Вроде Лиззи, которая в жизни не носила ничего белого. При известном усилии эти тела выглядят так конкретно и так устойчиво, что сам Чандх Каби диву давался!

– Почему же надо считать, что на этот раз вы настоящий? Я не могу сказать, что уверен в этом, – признался я.

Нейпир рассмеялся:

– Это действительно я. Астральное тело и мыслеобраз не действуют на обоняние. Духи не пахнут – есть вещи, которых они не желают заимствовать из реального мира. Видимо, человеческая вонь в их числе... Простите, если выразился грубо. Итак, на чем мы остановились?

– Вы говорили о том, – неловко себя ощущая, завелся я, – будто у вас на острове Гваделупа есть ракета, готовая отправиться в полет.

– Да! Чудесная память. Не буду злоупотреблять вашим вниманием. Попробую объяснить вкратце, какую помощь я бы хотел получить. В первую очередь я обратился к вам в связи с вашим интересом к Марсу, а также из-за вашей профессии. У меня со словами особые взаимоотношения. Не всегда выражаюсь литературно. А мне бы хотелось, чтобы мои исследования были описаны опытным писателем. И конечно же, не последнюю роль в моем выборе сыграла ваша репутация. Мне нужно, чтобы вы записали и опубликовали мои сообщения, а также распоряжались моим состоянием, пока меня в этом мире не будет.

– Первое условие я выполню с радостью. Но второе предложение накладывает слишком большую ответственность.

– Доверенность, наделяющая вас широкими полномочиями, уже готова, – ответил он категоричным тоном, не допускающим никаких возражений.

Я увидел его всего, полностью, до донышка. И понял, что передо мной человек, который не привык останавливаться ни перед чем.

Казалось, что он вообще не признает существование каких-либо препятствий. Для него их просто не было. Такое мужество сродни одержимости, но лишено спесивого апломба. Потому-то оно и называется не безумием, а мужественностью.

– Вы можете сами назвать сумму своего гонорара, – продолжил он.

– Удовольствие от этой работы будет для меня лучшим гонораром, – запротестовал я.

– Не забывайте, что вам придется уделять этой работе немало времени, а оно у вас очень ценно, – вмешался Ральф, еще раз восхитив меня своей сметливостью, вот кто не растерялся бы на этой дороге и капитал сколотил.

– Вот именно, – согласился Нейпир. – Я очень богат. Я сказочно богат. Считайте, мне некуда девать деньги. Запомните, меня очень трудно остановить, сэр. Я буду действовать страшно, нагло и хладнокровно, как вымогатель, но так или иначе заставлю вас назвать сумму гонорара. Посмотрите мне в глаза. Отлично. Я увидел эту сумму и пририсовал к ней еще два нуля. Поэтому обсуждать ее мы будем с мистером Ротмундом, отнимать у вас драгоценное время не станем.

– Хорошо, – согласился я, все же сжавшись от волнения. Не успел я раскрыть рта, как фантастический тип с волосами цвета спелой пшеницы не только решил мои финансовые вопросы, но и принудил, не прикасаясь ко мне и пальцем, принять его предложение за директиву.

– Теперь вернемся к более существенным и интересным сторонам нашего предприятия. Что вы скажете по поводу прожекта в целом?

– Нас отделяет от Марса огромное расстояние. А Венера ближе. Расположена на девять или десять миллионов миль ближе, а миллион миль – это не пустяк.

– Я тоже думал об этом. Венера закрыта облаками, ее поверхность недоступна для наблюдения. Она вроде загадки, будоражащей нашу фантазию. И, как показали последние исследования, условия на этой планете не способствуют образованию жизни в формах, похожих на земные. Существует предположение, что Венера находилась в зоне притяжения Солнца с того времени, когда была еще в начальном жидком состоянии. Из-за этого одной стороной всегда повернута к светилу, как Луна к нашей планете. Если это действительно так, то из-за страшного пекла в одном полушарии и адского холода в другом существование жизни там невозможно. Эти адские температуры! Кошмарный зной! Однако, – он широко улыбнулся нам, – по моим расчетам, и на Земле жизни не должно быть! Условия тут тоже несусветные!

– Как? – выпалили мы с Ральфом вместе, совсем не сговариваясь.

– Да просто. Понаблюдайте за Землею из космоса, смерьте суммарную радиояркость – ахнете. Температура на ней будет тоже порядка миллиона градусов. Повторяю, если мерить ее из космоса. Хотя реальная температура поверхности, согласимся, довольно низка. Даже если считать пики, шестьдесят в южных широтах, шестьдесят – на отдельных участках экватора, а в промежутке – всего пара десятков градусов тепла.

– И в чем разгадка?

– В количестве радиостанций. Станций и телевидения, оковавших планету кольчугой. Дело в высокой радиояркости. Мощное радиоизлучение.

– Тогда должна нагреваться среда, – упрямо возражал я.

– Среда, как вы ее называете, не нагревается. Температура и радиояркость – это разные понятия, хотя измеряются в одних единицах.

– А, – наконец догадался я. – Как газосветная трубка... В колледже проходили. При температуре человеческого тела она достигает радиояркости в десятки тысяч градусов. То есть, если верить расчетам из космоса, то и на Земле жизни нет?

– Вот именно. Но с Венерой дело обстоит иначе. Близость Солнца. Если подтвердится гипотеза Джеймса Джинса, то сутки там во много раз длиннее земных, температура ночью составляет минус тринадцать градусов по Фаренгейту, а днем там, соответственно, стоит ужасная жара.

– Почему бы не предположить, что жизнь могла приспособиться и к этим суровым условиям? – не сдавался я. – Живут же как-то люди и в экваториальном климате, и в Арктике.

– Но там есть кислород, – возразил Нейпир. – А над облаками, обволакивающими Венеру, по предположению Сент-Джона, количество кислорода составляет не больше одной десятой процента от земной нормы. Основа атмосферы – двуокись углерода! Понятно, нет? Углекислый газ, азот, аргон, водяной пар, сероводороды, соли кислот – ужасная смесь. Как вам кажется, чем я там должен дышать? Плавиковой кислотой? И потом, это не основная проблема! Земные сутки – двадцать три часа пятьдесят шесть минут. Марсианские – двадцать четыре часа тридцать семь. А на этой вашей Венере, извините, сутки длятся двести сорок три дня и ночи! Вы представляете, что там с природой делается (если она там, конечно, имеется)? Эта Венера, скажу вам, строптивница, там все поперек правил.

– Да ей-то, собственно, какая разница? Природе-то. Если она там есть, как вы заметили, то, думаю, как-нибудь приспособилась и к периоду вращения. На чем-то же основано авторитетное мнение Джеймса Джинса? Он заявил, что, если брать в расчет имеющиеся данные, Венера – единственная, за исключением Земли и Марса, планета в Солнечной системе, на которой могла бы существовать жизнь.

– Могла бы, – почти пропел Карсон Нейпир сладко. – Бы. Если бы на ней присутствовали кислород и растительность, необходимые для метаболизма.

– Деревья! – вдруг выдохнул, едва ль не засветясь той газосветной трубкой, милый мой Ральф, у которого тоже случались не только житейские озарения, но выхлесты знаний из области неприменных наук. – А что если там гигантские деревья, которые в огромных количествах поглощают углекислый газ и дают условия для дыхания высших форм жизни?

– Умница, – трижды хлопнул в ладоши Карсон Нейпир. – Тогда эти деревья должны достигать тропосферы! И тогда то, что ученые всего мира по наивности принимают за облачность, скорее всего, по предположению господина Ральфа, является просто кипенью цветущих деревьев? Ну, всю дорогу они там цветут, на сколько миль вверх? А? Не считали? Возьмите, сосчитайте, – он утомился иронизировать и подытожил: – Пятнадцать миль вверх? Абсурд. Венера исключается. Поэтому я и остановил свой выбор именно на Марсе.

Мы обсуждали его затею весь день и полночи, словно хором сошли с ума. А утром он отправился на гидросамолете «Сикорский» к острову Гваделупа.

С тех пор я обычным образом с ним больше не встречался.

Но благодаря удивительным свойствам его невероятного дара нам удавалось все время поддерживать телепатическую связь. Он меня вряд ли слышал. Мне так казалось, хотя никаких диалогов мы не вели. Но я ощущал его очень ясно. Иной раз просто вгрызался. Я видел все его лица, которые он на себя надевал, разные по обстоятельствам, физиономист! Я слышал его красочную брань, такие изящные непристойности, которые уж и не знаешь, как и расценивать. Я видел мир его глазами, и плакал, и смеялся, и трясся в волнении при виде темноглазой красавицы с горделивой посадкой головки. О-о! Однажды я тоже ее полюбил, принцессу народа с деревьев! И тоже с иронией разговаривал с ее библейским папой, королем страны Вепайя! И тоже называл тот период своей жизни «деревянным».

Не раз перед моим мысленным взором возникали очень странные картины. Не реального мира. И не иллюзий. Не созданные эмоционально... и не так чтобы часто приходящие к вам во сне.

Когда я впервые при таком контакте почувствовал запах – а это оказался отвратительный запах жженой резины, – я понял, что моя собственная частная жизнь завершилась. Потом появился вкус соленой оливки...

Да, моя частная жизнь завершилась. Не потому, что я превратился в вегетативный придаток от грандиозного человека с негибаемыми жизненными позициями, стал профессиональным медиумом и поведал миру об удивительных приключениях Карсона Нейпира. А потому что помимо воли вдруг сам открылся этим свежайшим ветрам, которые продували меня и во мне путешествовали, напитывая фантастическим светом, как электричество, бегающее по шнуру.

## II. На Марс

Картина маслом. Через три часа после отправки из «Тарзаны» я сажаю свой гидросамолет в бухте, закрытой от ветров, на берегу безлюдной Гваделупы. Мексиканское судно, арендованное мной для перевозки людей, грузов и снаряжения, мирно покачивается возле пристани. Красота. Бухта, повторяю, закрыта для ветров, а ветерок волосы треплет. Видимо, это нервное. Чье-нибудь. Не ветер имею в виду, а именно волосы. Папа рассказывал, что у некоторых взвинченных особ они просто так и шевелятся. Тогда все объяснимо и с научной точки зрения. На берегу меня встречали взвинченные механики и их взвинченные помощники, самоотверженно трудившиеся на протяжении долгих месяцев, для того чтобы приблизить этот сказочный день. Они взвинчены, страшно волнуются и так наэлектризованы, что от них ото всех у меня на голове шевелится грива. Несправедливо, мы так не договаривались, да делать нечего. Так-с. Прощай, милая Либби. Обозрим просторы. Прощай, дорогая Лиззет. Возвышаясь на целую голову над толпой, я мог рассчитывать на преимущества. А они должны заключаться не только в несуществующем ветре. А еще в том, что, не имея помех впереди, мой орлиный взор сразу разглядит Джимми Уэлша – единственного бледного американца среди них, смуглых метисов, взвинченных радостью.

Я подрулил ближе к пирсу и припарковался. Нет: как грамотно говорили на курсах по воздухоплаванию, зашвартовал самолет. Для меня тут же спустили лодочку. Еще б не спустили. Я бы живо тут все завинтил из недовинченного. Меня не было всего около недели, большую часть которой пришлось провести в Гуаймасае в ожидании ответного письма из «Тарзаны». Но здесь, где еще не должны были успеть соскучиться, меня встретили так, будто я был их пропавшим братом, восставшим из могилы. Ну столько радости! Правда, я нигде не увидел духового оркестра. Зато встретил юных официанток, остреньких, как перчик чили, оставивших вахту в буфете Космоцентра, чтобы, как были, с подносами, посмотреть мне в глаза и, если повезет, заполучить пуговицу с моего альпакового пиджака цвета чайной розы, их любимого.

Да в глаза не они одни тут смотрели. Многие, не скрою. Это бесподобное ощущение – вломить своим бешеным удивлением по сетчатке небесных глаз первого человека, который на свои средства... нет, за свои кровные деньги... «Непра-правильно». Как любят говорить и Либби, и Лиззи, и Гуэтьерэс, три самых совершенных создания из буфета для технического персонала, ограничивших свое человеческое формирование «Алисой в Стране чудес» и никогда не умничающих, «пра-правильней» будет сказать: «Человек просто фантастически выложился ради прогресса!» Вот как встречать было надо. С пониманием миссии. Они – моей, я – их.

Мы столько месяцев работали вместе, что между нами установились очень теплые взаимоотношения. И вот теперь мы будем вынуждены разлучиться. Навряд ли нам доведется встретиться когда-нибудь еще. Завершится мой последний день на Земле, и я сделаюсь для них так же недостижим, как погребенный кумир или самый рядовой усопший, который покоится под холодной плитой.

Нет, правда, какое-то время я еще буду им виден на фотопластинах старого Хукера – может, даже как штрих. Это радовало.

Или, может быть, я приписывал такие глубокие чувства своим сотоварищам потому, что и сам переживал нечто подобное? Говоря откровенно, я догадывался, что последний день на Земле будет самым тяжелым во всем этом предприятии.

Мне доводилось общаться с самым разным народом, самые лучшие по-человечески меркам качества нашел у мексиканцев, пока они не бывали испорчены чересчур тесными контактами с категоричными и прагматичными американцами.

Да, ведь еще оставался Джимми Уэлш.

Я прощался с ним, как с родным братом. Он долго, наивно уговаривал меня взять его с собой, и я понимал, что он не расстанется с этой надеждой до последней минуты. Но, к великому сожалению, у Карсона Нейпира имелся ряд принципов, с которыми горячее желание Джимми никак не совмещалось. Один из моих базовых постулатов таков: без крайней необходимости нельзя рисковать ничьей, кроме собственной, жизнью. Увы, Джимми. Он, как говорится, пролетал...

Мы расселись по машинам. Надежные, как лучшие антидепрессанты, эти машины использовались для доставки всевозможных грузов от гавани до нашей базы, расположенной в нескольких милях от берега. Тряская грунтовая дорога, вся в чудесных земных ухабах, вела к невысокому плоскогорью. Там, у взлетной полосы – мой пропуск в неизвестность. Билет.

Там стояла ракета, похожая на огромную торпеду.

– Все в порядке, – произнес Джимми. Его белесые бровки стояли домиком; здоровенный мужчина, а казалось, что сейчас расплечется. Он зарокотал о каких-то колесиках, о проводке, узлах: – Мы еще раз проверили все мелочи, обследовали каждый узел, ты можешь быть спокоен. Трижды протасили агрегат тягачом по всей платформе, все контакты протерты, перетерты, трущиеся детали смазаны...

– Отлично, Джимми. Получается, мы готовы к отправке.

– Ты ведь берешь меня с собой, Карсон?

– В другой жизни, дружок, – вздохнул я со счастливой улыбкой. Такие чувствительные люди, как Джимми, все-таки являются лучшими людьми этого мира. – А в этой жизни... Знаешь, старик, иногда меня одолевает желание без конца выражать свою благодарность тем, кто для меня не жалел усилий. Видимо, это какая-то редкая болезнь? – я подмигнул ему. – Подтверди на живом примере свою симпатию ко мне еще раз...

– Все, что хочешь! – озарилось лицо его. – Я сделаю все, что ты захочешь!

– Тогда прими от меня мой самолет.

Джимми Уэлш на какое-то время застыл, точно разучился понимать по-английски. Но и потом, когда дыхание нормализовалось и он, уже отойдя от потрясения, принялся сравнивать несоизмеримые технические возможности обоих летных аппаратов, голос его еще подрагивал. У него теперь был приличный по земным представлениям самолет, а у меня – комок в горле. Тот, который всегда возникает в человеке в минуты истинного счастья – такого, к примеру, как возможность сделать себе приятное: одарить другого тем, что тот не способен приобрести себе сам, особенно когда твой собственный интерес к этой ценности так или иначе исчерпан. Подобные встряски для свойственной многим расчетливости весьма благотворны, очищают карму, как считал Чандх Каби. Это, знаете, очень хорошее питание для развития личности – совершать акты безумных дарений.

– Предельная высота – тридцать пять миллионов миль, – повторял Джимми таким тоном, каким черные боссы оккультизма кладут свои заклятия. – Тридцать пять миллионов миль, я до сих пор не могу поверить, что мы это сделали! Нет, я все понимаю. Не могу только понять своим маленьким умом, как ракета достигнет Марса!

– Вот еще мне бы сделать это вместе с ней, – воскликнул я с жаром.

Джимми простодушно рассмеялся. Так же простодушно он хохотал, первый раз в жизни посетив Музей Хукеровского телескопа в Маунт Вилсоне, где даже исторический пульт потрогал, так хотелось ему своими глазами увидеть спутники. Когда началась «марсианская горячка» первой волны, нас с ним еще, разумеется, и на свете не было. Да и вторую с третьей пропустили. И хотя наука с того времени сделала много рывков, скачков, забегов с фибергласовым шестом легкоатлета в руках, многое все еще оставалось для нее недоступным. Никаким инструментом с Земли нельзя было измерить ни угловых расстояний марсианских спутников, ни, соответственно, линейных размеров. Слишком уж эти луны, эти вытянутые картофелины, были малы. Я понимал, как Джимми манит это обстоятельство, как он хочет, стоя на Марсе, увидеть про-

хождение его лун по солнечному диску и поглядеть, как больший из спутников по два раза в день восходит, упрямец, на западе и дважды садится на востоке. Джимми Уэлш был несокрушимый романтик.

Строительство пусковой установки, с помощью которой ракета должна была взлететь, потребовало больше года всевозможных расчетов. Давно уж назначили день отправления, установили параметры и элементы орбиты, длины полуосей спутников, угол расположения Марса над линией горизонта... Давно было вычислено оптимальное время для старта. А кроме того, сделаны соответствующие поправки на скорость вращения Земли и силу притяжения ближайших небесных тел. Установку построили на основе этих расчетов.

Сначала три четверти мили взлетная полоса шла под уклон, а затем начинала постепенно подниматься до угла в два с половиной градуса. Чтобы нейтрализовать силу тяжести, достаточно было развить скорость четыре с половиной мили в секунду. А для того чтобы ее преодолеть, требовалось набрать скорость 6,93 мили. Для подстраховки мы установили на ракету двигатели, которые должны были увеличить скорость в конце взлетной полосы до семи миль в секунду. Согласно расчетам, во время выхода из атмосферы она должна была возрасти еще до десяти миль! О скорости полета в открытом космосе можно было только догадываться. Но я полагал, что она не должна была чересчур отличаться от скорости полета при выходе из атмосферы до тех пор, пока ракета не попадет под воздействие гравитационного поля Марса.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.